

The book cover features a dark, textured background with a central rectangular window looking out onto a starry night sky. The walls of this 'room' are covered in various hand-drawn sketches: cars driving on the left wall, a cat on the right wall, and a city skyline with people at the bottom. The title is written in large white letters across the sky, and the author's name is above it. At the bottom, there is a quote and an age rating.

АЛЛА
ГОРБУНОВА

ВЕЩИ И УЩИ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
«НОС»

*Всегда идите навстречу страху,
но не чтобы сражаться с ним,
а чтобы принять его.*

18+

Алла Глебовна Горбунова
Вещи и уши
Серия «Роман поколения»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27061245

Вещи и уши: Лимбус Пресс;

ISBN 978-5-17-152826-3

Аннотация

Алла Горбунова родилась в 1985 году в Ленинграде. Окончила философский факультет СПбГУ. Поэт, автор нескольких книг прозы: «Конец света, моя любовь», «Другая материя», «Лето». Её произведения переведены на многие иностранные языки. Лауреат премий «НОС», «Дебют» и Премии Андрея Белого.

«Вещи и уши» – первая прозаическая книга.

Содержание

I	5
Психоанализ в аду	5
Биомасса	8
Природное явление	12
Домой, в Мологу	15
Русский пророк	17
Мишенька наоборот	22
Дети города Новоградова	24
Бред бытия	27
Казус Щавельева	31
Табу	36
Венера	37
Вина Терентия	39
Случайные удовольствия	41
Вечная разлука	43
Петрович и Петровский	46
Полиамория	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алла Глебовна Горбунова

Вещи и ущи

© Горбунова А.Г.

© Скиба Д., фото

© ООО «Издательство АСТ»

I

О чём поют слепые нищие

Психоанализ в аду

Многие люди, после смерти оказавшись в аду, обращаются к психологам, психотерапевтам и психоаналитикам, потому что у них развивается невроз от того, что они в аду. Я сама работаю в аду психоаналитиком, и в моей практике ко мне часто обращаются пациенты, которые говорят, что были хорошими людьми и никому ничего плохого не сделали, и сам факт, что они оказались в аду, для них непонятен и мучителен. Именно этой категории пациентов посвящён мой текст. Я составила для них небольшую памятку того, как стоит себя вести в этой непростой ситуации.

1. Итак, ни в коем случае не думайте, что если вы в аду, то это значит, что вы в чём-то виноваты, что вы плохой человек, грешник. Ни в коем случае не думайте, что вы попали сюда заслуженно и что во всём этом есть некая неведомая вам логика. Никто не расскажет вам, почему вы сюда попали. Никто не расскажет вам, как отсюда выбраться. Психоаналитики в таком же аду, как и вы. Попробуйте относиться

ко всему, что происходит, с простодушием. Вы – в аду. Это – факт. Здесь – плохо. Но не надо это объяснять, интерпретировать, перебирать одну версию своей вины за другой.

2. Это звучит странно, но надо принять ад. Перестаньте с ним бороться, ненавидеть его, надеяться на избавление. Примите ад и не теряйте себя. Любите себя. Примите сковороду, на которой вас поджаривают, и знайте, что сковорода ничуть не обесценила всё прекрасное и святое, что у вас было и что у вас никто не отнимет.

3. Не говорите себе, что вы обречены. Некоторые выходят из ада. Мы не знаем, как и почему, но иногда это происходит, это факт. Для начала перестаньте хотеть ада и перестаньте его бояться. Если вы его боитесь и желаете одновременно – сами понимаете, к чему это ведёт. Не накручивайте себя. Вы уже в аду. Мы боимся неизвестного. Но вы уже знаете ад и знаете, что не так страшен чёрт, как его малюют, так что бояться теперь ни к чему. Если вы верующий, верьте, что ничто не ограничивает милости и всемогущества Бога и он готов простить и принять каждого, в том числе и вас. Шансы на спасение есть у всех.

4. Вы свободны! Да, вы в аду, но это не ограничивает вашу свободу, вы свободны сами определять себя к добру и ко злу, к Богу или к дьяволу. Вы свободны, но при этом не контролируете эту ситуацию, это тоже надо принять. Вы не

можете перестать быть в аду по своему желанию. Не ждите, что вслед за искренним раскаянием сразу последует избавление, не прибегайте к логике «торговли», к юридический казуистике, не приводите доказательств, почему вы достойны чего-то лучшего, чем ад. Что бы ни происходило – принимайте это с простодушием и смирением.

5. Главное мучение здесь – это страх. Выработайте толерантность к своему страху. Пройдите путь от страшного к скучному. Пусть страх приестся вам, пусть то, что пугает вас больше всего на свете, будет вам не страшно, а скучно. Не ищите утешения. Худшее уже случилось. Всегда идите навстречу страху, но не чтобы сражаться с ним, а чтобы принять его.

Многие мои пациенты покинули ад и присылали мне письма из благих сфер со словами, что им помогла моя терапия, но, честно говоря, я не знаю, в ней ли было дело. В чём тут дело и как это всё работает, честно говоря, совершенно непонятно. Я же по-прежнему в аду и сама не знаю, значит ли это, что я что-то делаю неправильно, или я остаюсь здесь потому, что делаю какую-то важную работу, что у меня здесь спасательная миссия или что-то вроде того. Я просто стараюсь работать, и это хоть немного, но отвлекает меня от огня, печали и одиночества.

Биомасса

У одной учительницы литературы, женщины высокодуховной, был муж-алкоголик. И вот говорит ей подруга: знаю одну женщину, экстрасенса, сходи к ней, вдруг она поможет. Учительница литературы взяла свою скудную зарплату и пошла к женщине-экстрасенсу. Говорит ей: так и так, у меня муж пьёт, сделайте что-нибудь. Экстрасенс посмотрела на фотографию мужа и говорит: у него души нет. Как так? – испугалась учительница литературы. А вот так, – сказала экстрасенс, – нет души. Биомасса.

Учительница литературы вернулась домой в расстроенных чувствах. Стала гнать от себя эти мысли про душу. Что, думает, за глупости, у всех есть душа, и у мужа моего есть. Как же он без души жил-то бы? Я же, думает, за душу его и полюбила когда-то, не за тело же его волосами покрытое, не за зубы гнилые. Так-то оно так, гонит от себя эти мысли учительница литературы, а червячок сомнения завёлся, вспоминает она одно, другое, третье, как там подвёл, здесь напакостил, где-то ещё грубое сказал, и видит она, что во всех этих ситуациях душой-то и не пахнет. Придёт, бывает, с работы, а муж лежит у телевизора, пиво пьёт, или храпит пьяный вечером, или сидит яйца чешет и даже мусор вынести не может, и видит она ясно: биомасса. Нет души. Нет.

А муж видит, что жена всё время расстроенная стала. Думает, это из-за пьянства его. А тут ещё подруга жены ему сказала, что жена его к экстрасенсу ходила, чтобы от пьянства его отвадить. Решил он вызвать жену на откровенный разговор, обозначить свою позицию и прекратить её мучения. Маша, сказал он ей, сядь, давай поговорим. Сели. Смотрит он ей в глаза и говорит: я пил, пью и буду пить. Она молчит. Он тоже молчит. Тут она встала и говорит ему: И чувства нет в твоих очах, и правды нет в твоих речах, и нет души в тебе.

Мужайся, сердце, до конца, и ушла она от своего мужа. Не смогла жить с человеком без души. Если бы всё то же самое, а душа была бы – жила бы как-нибудь, стерпела, но без души это слишком. А мужа тут же к себе забрала подруга жены, та, что про экстрасенса посоветовала. Она уже много лет как его любовницей была. А он как пил, так и пьёт, особой разницы и не заметил. Пошла подруга жены к этому же экстрасенсу и говорит: так и так, у меня мужик пьёт, сделайте что-нибудь. Экстрасенс посмотрела на его фотографию и говорит: так у него души нет. Биомасса. Ну а может, от пьянства всё же что-нибудь посоветуете? – спросила подруга жены. Экстрасенс дала ей траву какую-то ему в чай сыпать, и подруга жены ушла довольная. Что души нет – на это она даже внимания особого не обратила, мужика этого она любила очень много лет и души в нём не чаяла. А раз не чаяла, то и не удивилась

вовсе её отсутствию. Подруга жены была женщина простая, про души она не очень понимала, а тела любила, особенно тело мужика этого.

Вот так и жили они, и пришла весна. Распускались почки на деревьях, вылезали из них слизнячки листвы, наволакивалась на кроны душистая паутина цветов. Учительница литературы ходила в школу и учила детей вечным духовным ценностям, о которых писали великие классики. Душа её рвалась ввысь. Вскоре она встретила человека, разделявшего её духовные устремления. Он был тренером группы по фитнесу, в которую она записалась. Этот человек был настоящим гуру, он проповедовал здоровый образ жизни и правильное питание, они стали жить вместе, но перед этим он попросил её избавиться от кошки, потому что, сказал он, человек должен стремиться ввысь, к Богу, а не любить низшие формы жизни. Кошку учительница литературы отдала подруге, той самой, с которой теперь жил её бывший муж. Подруга кормила мужика и кошку, заботилась о том, чтобы им было хорошо и уютно. Душа её не рвалась ввысь, а тёмным и тёплым ручьём стекала вниз, в материю, в вещество, которое она любила больше Духа. Мужик пил по-прежнему, лежал у телевизора, храпел, чесал яйца, но, оценив доброе отношение новой жены, всё-таки иногда выносил мусор. Женщина-экстрасенс купила себе новую машину и квартиру. В общем и целом все они были счастливы и жили долго, пока

однажды не умерли, ибо счастье достижимо, а смерть неизбежна.

Природное явление

Шёл N по улице, дошёл до перекрёстка Ленинского проспекта и улицы Зины Портновой и увидел в небе что-то странное. Вначале ему показалось, будто самолёт заходит на посадку. Пулково ведь недалеко. Но смотрит внимательней: а это не самолёт, а автомобиль по небу летит, высоко довольно, маленький совсем, но видно, что автомобиль. N сплюнул и решил, что всё равно самолёт.

На следующий день вечером N опять вышел на улицу, дошёл до перекрёстка Ленинского и Зины Портновой и опять увидел в небе что-то странное. Автомобиль, представьте себе, он увидел. N по своему обыкновению сплюнул и решил, что всё равно самолёт. Прошёл немного вперёд по Ленинскому, в сторону магазина «Семья». Тут слышит звук какой-то странный, оборачивается и видит, как автомобиль с неба на асфальт падает. И разбивается. А другие машины на проспекте гудят, водители на улицу выбегают, пальцами на небо показывают. П*****, подумал N и пошёл дальше.

Зашёл в магазин «Семья», вышел оттуда с кулёчком, медленно направился обратно. А на перекрёстке уже полиция, скорая, МЧС. Машины все стоят, люди на тротуарах бегают в панике, смотрят на небо. А на небе один за другим появля-

ются автомобили, вылетают из чёрной пустоты неба на юго-западе, прочерчивают дугу и падают вниз. Некоторые при этом разбиваются и превращаются в груды металла, а некоторые почему-то аккуратненько, как на воздушных подушках, приземляются и дальше едут. Но уехать далеко не могут, тут же их полиция останавливает и МЧС.

N подошёл к одному менту на тротуаре и спрашивает: в чём дело? Да вот, говорит, машины с неба падают, общественный порядок нарушают. А почему, спрашивает N, они не все разбиваются? Пока не установлено, отвечает мент. В это время двое других ментов к этому менту подвели молодого человека, он был в машине, которая только что плавно приземлилась с неба на асфальт. Это, доложили, такой-то, двадцать девять лет, фольксваген его только что приземлился, номера такие-то. И как на небе оказались, с какой целью с неба приземлились? – спрашивает его главный мент. Я, отвечает парень, просто ехал из Таллина, я там выходные провёл, еду себе по трассе, темнота вокруг, потом смотрю, а другие машины как будто исчезли куда-то, а я по небу еду, так ехал какое-то время, потом начал опускаться ниже, ниже, а потом и на асфальт приземлился. А тут, говорит, уже свалка такая, и вообще отпустите меня домой к маме. Все остальные выжившие отвечали примерно то же самое. В тот вечер с неба упало больше пятидесяти машин, не разбились из них одиннадцать.

Н вернулся домой, было ему как-то от всего этого нехорошо, но ничего: сварил пельмени, выпил двести грамм, успокоился, залез в интернет посмотреть, что про это пишут. В интернете люди на форумах спорили, одни писали что-то про НЛО, другие про бесов, третьи про какие-то особые технологии, позволяющие делать летающие автомобили, четвёртые – что это всё был искусно спланированный спектакль спецслужб. Тогда Н зарегистрировался на форуме и написал: это было какое-то природное явление.

Домой, в Мологу

В девяносто третьем году Василию Гавриловичу Ласточкину исполнилось семьдесят шесть, и он ушёл под воду. Там она и была, в 5 км на восток от острова Святковский Мох, в 3 км на север от створа Бабы Горы. Он помнил свой город о двух реках: Мологе и Волге, а сразу за городом начиналось болото и Святое озеро. Сам он работал когда-то на машинно-тракторной станции, учился в семеноводческом техникуме. Ему было девятнадцать, когда объявили, что город будет затоплен водохранилищем. Дед его, Карп, остался в городе. «Я старый, – сказал, – куда мне идти? Останусь в пустом доме, нет мне жизни без пашни, на которой я трудился годами, без дубового леса, где мы с твоей бабушкой гуляли, когда были молоды. А вы с матерью уходите, спасайтесь, идите в новую жизнь, в индустриализацию».

Василий с матерью поехали в Ленинград, там и жили, мать умерла, сам до пенсии работал на Кировском заводе. В начале девяностых уровень Рыбинского водохранилища понизился, и часть затопленного города обнажилась. В осенние денёчки, что были в начале октября, когда Ельцин воевал с парламентом, Василий Гаврилович отправился в затопленный город своей юности. Жену Надю он недавно похоронил, дети жили своей жизнью, Ельцин Василию Гавриловичу не

направился, и решил он отправиться домой, в Мологу. Взял дед с собой фотографии детей и внуков и свою любимую книгу «Далёкая радуга» Стругацких и отправился в путь.

Купил Василий Гаврилович билет на поезд с хорошим названием «Текстильный край», направлявшийся в Иваново, сошёл на станции Некоуз, поднял руку – дальше автостопом. Стоит дед, ловит машины, остановились братки бритоголовые: «Куда тебе, дед?» «Домой, в Мологу». «Чё, это где ваще?» «На Мышкин, потом на Весьегонск, через Борок, за селом Веретея, не доезжая села Дубец свернуть направо и через деревню Дуброва в Остроги. А там высадите меня». Посадили братки деда в машину и повезли, куда он сказал, ведь как оно в сказках бывает: и медведь поможет, и волк, и конёк-горбунок, и браток бритоголовый. Заночевал дед в Острогах под дубом, утром встал на рассвете и отправился в путь. Шёл вдоль насыпи Моложского тракта, спустился по ней к воде в пойму, ушёл влево, перешёл по мелководью верховья Шумаровской протоки, шёл по пескам вдоль южного берега Святовского мха, по отмелям, залитым водой, по краю коряжистого торфяника, и на северо-восток от острова – пока не пришёл к окраинам Мологи. И увидел Василий Гаврилович Ласточкин её мощёные улицы, кованые решётки, могильные плиты на кладбище. Подплыл к нему огромный золотисто-бурый карп с усами. И млела затопленная Молога, как молоко.

Русский пророк

*The Prophets Isaiah and Ezekiel
dined with me...*

William Blake¹

Истина началась, когда кот принёс огонь.

Так начиналась книга Павла Нестерова.

Поэт Павел Нестеров писал возвышенные стихи и верил, что они настоящие. Но он захотел заработать денег и сочинил книгу по русской эзотерике под названием «Истина славян». Про кота он вычитал в группе вконтактке «Философия на каждый день». Там была приведена сказка: вот пришло крутое крутище, станово становище, козёл да баран хотели огня добыть, а кот обернул козлу рога берестой и велел ему с бараном столкнуться лбами, от этого у них посыпались искры из глаз и береста загорелась. Это событие Павел Нестеров взял за отправной пункт славянской истины.

Всё остальное он тоже взял вконтактке из разных групп: «транцендентальная медитация для домохозяек», «лечение

¹ «Пророки Исаия и Иезекииль трапезовали со мной...» Уильям Блейк. Перевод С. Степнова.

эректильной дисфункции с помощью кундалини-йоги», а чтобы всё это смотрелось убедительно, приписал ещё, что пророки Исаия и Иезекииль, Даниил и Иона говорили о том же, и кто не верит – может посмотреть в Библии. И вообще Библию написали славяне, и библейский Яхве – это славянский бог Род. Очень смеялся Павел Нестеров, когда писал, поэтому получилось от души.

Думал срубить бабла, но получил больше того, чего ожидал: вокруг книги его образовалось новое религиозное движение, называли они себя нестеровцы. Павла Нестерова они считали русским пророком, следующим после Исаии, Иезекииля, Даниила и Ионы. Каждый день приходили Павлу Нестерову письма от людей, которые писали, что он им открыл глаза, изменил их жизнь, что его книга стала для них новой Библией, что теперь они гордятся своей родиной и её духовными традициями, что они всегда сердцем чувствовали, что всё так, как он написал... Несколько человек даже совершили самосожжение из-за его книги. И стало поэту Павлу Нестерову стрёмно.

«Это же фейк, явный фейк, почему же люди так серьёзно к этому отнеслись? – думал Павел Нестеров, – и почему никому нет дела до моих стихов, они же настоящие!» Подумал так Павел Нестеров и вдруг почувствовал: нет, всё одно и то же. И стихи его, которые он писал всерьёз, такой же фейк. И так же, как и эту книгу о славянах, он писал их – сам не зная

того, о чём пишет, и почитал это святым даром. Он увидел, что одни и те же творческие процедуры были задействованы в написании «фейка» и «настоящих» стихов. Просто стихи – это был более тонкий фейк, более благородный, и поэтому никому не нужный. А может, про стихи все изначально понимали, что это фейк, потому что все стихи – фейк, а вот в книге о славянах была претензия на выражение истины, и хотя для него эта претензия была игрой, люди на неё купились. И то, и другое в равной степени и не было, и было фейком. И что-то сместилось в голове у Павла Нестерова, потому что он больше не мог провести границу между настоящим и не настоящим. Как смещалось некогда в головах у всех пророков.

И уверовал он во всё, что сам сочинил, и отправился в путь по русской земле искать пророков Исаию, Иезекииля, Даниила и Иону, чтобы спросить у них, правильно ли он всё понял, и правда ли, что теперь он тоже пророк, как говорят нестеровцы. Он шёл и шёл вглубь земли, в глубокую ночь, в недра прошлого, и века отматывались назад, как кинолента, а потом кадры кончились и наступила пустота, и восстали из земли четыре земляных деда: Ивашко Сосуй, Харло Ивашков, Полежай Скоморох и Палка Андронов. И Павел Нестеров спросил: «Вы пророки?» И деды ответили: «Yes». «О, русские пророки, – взмолился Павел Нестеров, – откройте мне правду, что значит быть пророком? Видели ли вы Бога? Слышали ли его голос?» И отвечал Ивашко Сосуй: «Ника-

кого Бога я не видел, да и не слышал ничего, но уверовал, что глас гнева праведного и есть Глас Божий». Тогда Павел Нестеров спросил: «Может ли твёрдое убеждение, что вещь такова, сделать её таковою?» И деды сказали: «Да, если ты можешь уверовать». А Харло Ивашков сказал: «В Израиле мы учили, что первоначалом является Поэтический Гений, всё прочее – лишь его производные. Таков Бог Израиля». И деды сказали: «Хочешь видеть рождение Поэтического Гения? Иди дальше нас, глубже нас, в самую сердцевину пустой земли».

И пошёл Павел Нестеров глубже в землю и в пустоту её, и увидел крутое крутище, станова становище, козла, барана и кота. И кот добыл огонь, и был этот огонь Поэтическим Гением, и всё с него началось. И это была альфа, но там же была и омега. Увидел Павел Нестеров дом где-то в Сербии и вошёл в него, и хозяин сказал ему: загадаю тебе три загадки, скажи мне, что есть это, это и это. Смотрит Павел Нестеров, а хозяин ему показывает на огонь в камне и на кота на лавке и на чердак. И видит Павел, что кот – тот самый, что добыл огонь, а огонь в камне – не огонь, а Поэтический Гений, а чердак – не чердак, а Дворец Рассудка. «Нет ничего проще, – сказал Павел Нестеров, – это Тот, кто добыл огонь, Поэтический гений и Дворец Рассудка». «Дурак, – сказал хозяин, – это кот, огонь в камне и чердак».

Ночью Павел Нестеров взял кота, привязал ему к хвосту трут, поджёг его огнём в камне, и кот прыгнул на чердак. Начался пожар. «Эй, хозяин, вставай, а хочешь спи, это уже не имеет никакого значения, сам ты дурак, – крикнул Павел Нестеров, – Тот, кто добыл огонь, взял Поэтический Гений и отнёс его во Дворец Рассудка! Я, пророк Павел Нестеров, с помощью Поэтического Гения ныне сжигаю Дворец Рассудка, и присоединяюсь навеки к сонму пророков! Здесь, в точке альфа и омега, я пишу свою новую книгу, рдеющую в огне, ибо —

Истина закончилась, когда кот разнёс огонь и спалил дом.

Мишенька наоборот

(Зло и голуби)

Всё отрицал он: где земля и где небо. Счастливый человек, Мишенька наоборот. Он был самым вредным и хулиганистым мальчиком в классе тогда, в конце сороковых. Всё он делал наоборот из вредности, и учительница так и прозвала его: Мишенька наоборот. Рано понял он, что всё совсем не так, как его учат. Мать говорила ему: мусорить нехорошо. И в голове своей Мишенька тут же менял знак с плохого на хорошее и радостно мусорил. И когда видел, что кто-то другой мусорит – тоже радовался. Когда видел, что кто-то плачет – радовался. Когда видел, что кто-то обижает слабого – радовался. Ведь если не радоваться этому – так больно, так невыносимо больно, слишком много насилия, и несправедливости, и голода, и смертей вокруг, а Мишенька не хотел, чтобы было больно, и поменял в своей голове все знаки. Так пошло у него с тех пор, как в раннем детстве в оккупированной деревне Обуховка Мишенька видел немецкого солдата, и немецкий солдат ударил на его глазах его отца. Мишенька испытал тогда всё вместе: ужас, негодование, ненависть, они душили его, и тогда Мишенька начал смеяться. Вскоре после этого он научился, как только чувствовал, что какой-то внутренний голос – матери его или морали человеческой, вошед-

шей в детскую душу, – говорит ему, что что-то нехорошо, немедленно звать другой голос, властный и сверхчеловеческий, принадлежащий, должно быть, тому самому немецкому солдату, и этот голос смеялся и говорил ему: «Радуйся!» Так Мишенька наоборот переобучился и всё, что люди почитают злом, почитал благом; то же, что люди почитают благом, почитал, наоборот, злом. Всю свою жизнь он радовался смертям, невзгодам и ударам жизни, а печалился в те редкие минуты, когда что-то вызывало у него нежность и жалость, когда видел красоту или слушал музыку. Он знал, что изнанкой их были боль, утрата и обречённость, и не мог радоваться им, как прочие люди. Однажды он влюбился в девушку, но сказал ей: «Всё равно ты станешь старой и безобразной, а потом умрёшь», – и оставил её. И пока любил её, испытывал глухую беспросветную звериную муку, а когда оставил её – ему стало легко. Мишенька наоборот считал, что он перехитрил жизнь, столь изобильно рождающую поводы для страданий и роняющую их, словно дуб свои жёлуди, под ноги людям, он же в алхимическом тигле души своей все жёлуди страданий претворял в золото радости – и оттого был счастливее прочих людей. Гадкий старикан, прямо сейчас он высовывается из окна своей спальни с рогаткой, стреляет по голубям и беззубо матерится. Он целится в самого красивого белого голубя и попадает.

Дети города Новострадова

*Черный покров и органы, молнии, гром,
поднимитесь, гремите! Воды и грусть, поднимитесь
и возвратите потоны! Потому что с тех пор, как
исчезли они «...» наступала скука.*

А. Рембо²

В девяностые годы в городе Новострадове все дети были уверены, что в двухтысячном году в новогоднюю ночь Ормузд и Ариман явятся на небе и настанет великая война. На этой войне дети будут воевать друг с другом, одни за «тёмных», другие за «светлых». После этой войны наступит конец прежнего мира, и планета Земля сольётся со своим двойником – планетой Нибиру, которая приближается к ней. Если на планете Земля процветают технологии, то на Нибиру развита магия, и там живут эльфы, гномы и драконы. Когда Земля и Нибиру сольются, наступит единство магии и технологии, и новый мир будет гармоничным. Все дети в Новострадове также были убеждены, что обладают магическими способностями. Ещё дошкольники во дворе передавали друг другу знание об Ормузде и Аримане, грядущей войне, слиянии планет и о том, что все они маги.

Дети усваивали это с песочницы, но от взрослых счита-

² Перевод М. Кудинова.

лось нужным держать всё в тайне. Каждый ребёнок полагал, что ему помогает несколько невидимых духов, каждый знал, кто он — «светлый» или «тёмный», и водил знакомство с другими такими же, а представителей противоположной партии не любил. Если мальчик влюблялся в какую-нибудь девочку, то первое, что ему нужно было выяснить — это «светлая» она или «тёмная». Случалось, что из-за любви дети обращались к противоположной стороне силы, и это вносило в их жизнь подлинный драматизм. Во всём же остальном новоотрадовские дети ничем не отличались от своих сверстников из других городов: они также интересовались жвачками, сникерсами, новыми джинсами, мультиками и приставками «денди» и «сега». В новогоднюю ночь двухтысячного года дети, от дошкольников до одиннадцатиклассников, собрались на улице, они ждали пришествия Ормузда и Аримана. Заботливо закутанные своими мамами в зимние шарфы, готовые вступить в сражение за своего бога не на жизнь, а на смерть, толпы детей стояли, уставившись в небо. Падал мокрый снег, взрослые открывали бутылки с шампанским и пускали в небо фейерверки, а Ормузд и Ариман так и не явились. Ещё около года после этого дети ждали, что, быть может, война всё же начнётся и планета Нибиру с её эльфами и гномами приблизится к Земле, но война не начиналась, а планета Нибиру не приближалась. По инерции многие дети ещё продолжали ждать, но некоторые из них уже начали посмеиваться на тему Ормузда и Аримана, а многие просто стали избегать этой

темы, как будто ничего такого никогда не было. Всё меньше и меньше их интересовало, кто был раньше «тёмным», кто «светлым», никто уже особо не распространялся о своих магических способностях, и теперь, казалось, в жизни ничего и не было, кроме жвачек, сникерсов, джинсов, мультиков и приставок. Те дети, которые были совсем маленькими в двухтысячном году, скоро совсем позабыли о войне, Ормузде и Аримане, планете Нибиру и той новогодней ночи. Для них это смешалось с другими сказками, которые они слышали в детстве от своих родителей. Труднее всего было подросткам. Кто-то стал пить, кто-то употреблять наркотики, девочки брили головы наголо и уезжали автостопом бродяжничать по стране. Но со временем многие пошли учиться, потом работать, создавали семьи, рожали детей, разводились. Покупали мобильные телефоны, заводили аккаунты вконтакте. И уже очень скоро Новоград ничем не отличался от других провинциальных российских городов с высоким уровнем алкоголизации населения и безработицы.

Бред бытия

*Опьяняющей радостью и самозабвением казался
мне некогда мир.*

Ф. Ницше³

Весенними вечерами, когда несло в воздухе черёмухой и зелёной прохладой и осыпались на тротуары скелетики цветов, на Гектора Аристарховича, школьного учителя математики, нападал бред бытия. Это было как-то связано с душой, тоской и судьбой, но прозрачнее, чем они, и чище, считал Гектор Аристархович. Чище – потому, что у каждого человека была своя душа, тоска и судьба, и порождали они свой собственный бред, в этом бреду человек жил обычно всю жизнь, так и не приходя в себя, и снился ему дурной выморочный сон, канитель, скука, а, может, иногда приходил человек в себя – изредка, по ночам, как мертвец выбирался из гроба и сквернословил небо, но бред бытия не был бредом человеческим, происходящим от пищеварения и застоя спермы, обмена дофамина и серотонина, – он принадлежал самому бытию. Как зловонное болото производит миазмы, как море порождает волны, которые с приливом бьют о берег, так бытие порождает бред свой, и бред этот, как вода морская, накатывает на людей вот такими весенними вече-

³ Перевод Ю. Антоновского.

рами, сам он – прозрачный, как чистый спирт (а бред человеческий из него бодяжат). И когда накатывал бред бытия на Гектора Аристарховича, он начинал мучиться, уходил из дому бродить по округе и смотрел на бомжей, и влюблённых, и бесхвостых котов, на нечестивую зелень, бурно пробивающуюся сквозь смерть, в которой праотцы и праматери упрекают живущих и жаждут к ним, и видел тягу любви в пении птиц, образующих в это время пары, и видел, как неисцелимы и уродливы люди, словно смертная рана на каждом из них. Гектор Аристархович хотел избавиться от бреда бытия и шёл за пивом, чтобы выпить и отупеть, но в пиве тоже был бред бытия, оно было живое, и от самого магазинчика бежал за Гектором Аристарховичем некий мужичонка и кричал: дай промочить горло, в утробе у меня пересохло, потому что я Джон Ячменное Зерно. Из-под земли, из-под слякотной грязи и кипучей травы проступали головы, лишённые тел, и назывались причудливо: я Поп Толоконный Лоб, а я – Боб Для Лобио, а я – Гусь Гуменник. И всё в мире, – видел Гектор Аристархович, – безумно и отчаянно, клятвопреступно и святотатственно. Девушки какие-то шли, продуваемые насквозь ветром, пронизаемые, но улыбались нехорошо, как ведьмы. Калина была каликой перехожей, рябина – рябой девкой, и соседка выгуливала сына-дауна, и кликушествовали дети в песочнице. Бред бытия прибывал, разливался, как река в половодье, затопляя луга и огороды. Взошла Луна и пролила молоко в подводно-бредовое царство. Гектор Ари-

стархович ходил и плакал, потому что всё было гибельно, беспасаемо, смертельно, и сам он был конченный человек, и видел двух голых девок: одна привязала другую к берёзе и хлестала молодой яростной крапивой по заднице. И Гектор Аристархович хотел, чтобы и его привязал кто-нибудь и отхлестал по голой заднице, чтобы его искушали пчёлы, осы, шершни в этом нечестивом раю среди окраинных пятиэтажек, где цветущие и плачущие духи со свечами в руках водят вокруг него хороводы. Они хоронят его, это он видит ясно, и справляют погребальную службу со свечами в руках, по образцу светлой утрени. Он в песочнице лежит, а песочница – это развёрстая могила. Бабочки летают вокруг Гектора Аристарховича, и свечи горят, и духи поют и плачут: идиот Гектор Аристархович, дебил Гектор Аристархович, кусок говна Гектор Аристархович. Вот сверчки и медведки трещат, вот грибы растут из стен хрущёвок, вот муравей тащит личинку свою в рот Гектору Аристарховичу, но муравей огромный – с руку размером, а тащит не личинку, а скользкий белый член в рот Гектору Аристарховичу. Дождь из слёз пролился, с растворённой в слезах пылью, мелкой нектарной пылью... Блажные слёзы земли, её сладостное лицо, предстоящее граду небесному, граду смарагдовому и аметистовому, маленьким льдинкам, вдруг исхлеставшим её тысячей пощёчин. И остервенелая надрывная музыка заполнила уши: хор шальных птиц одержимого похотью рая; и бульканье, и клыканье, и пленьканье, и лешева дудка соловья. И на рассве-

те, когда исчезает разница между комедией и трагедией, о, не сном божества показался Гектору Аристарховичу мир, но прозрачной ажурной любовной мукой на плотной основе похоти и смерти, самопроизвольно рождающимся бредом без творца и лекаря, сумасброженной сывороткой безумия, – так казалось ему утомленными утрами, когда бред отступал и он шёл в школу учить детей математике.

Казус Щавельева

Начался весь этот ужас в жизни банковского клерка Вениамина Щавельева, когда ему исполнилось сорок пять лет и он пошёл менять паспорт. В паспортном столе сидела женщина с поджатыми губами и фиолетовой химической завивкой, – это вспомнил Вениамин Щавельев, когда вернулся домой, – и вспомнил ещё одну вещь: что помимо подписи его в новом паспорте, женщина эта дала ему ещё какую-то бумагу, которую он также на автомате подписал. А вот что это была за бумага – Вениамин Щавельев не помнил. В душе его зародилось смутное беспокойство.

Что же это могло быть? – думал Вениамин Щавельев. Потерял сон и аппетит и наконец явился снова в паспортный стол. «Что я подписал у вас? Что за бумагу вы мне подсунули?» – спросил он у женщины с поджатыми губами и фиолетовой химической завивкой. Женщина только повела плечами: «Ничего вы у нас не подписывали, только в паспорте своём расписались, примерещилось вам». Вениамин Щавельев стукнул кулаком по столу: «А ну говори мне, паскуда, что за бумагу я подписал?!» Женщина обругала его сумасшедшим и выгнала.

Вениамин Щавельев вернулся домой и стал напряжённо

вспоминать, как он теперь делал постоянно, что же это всё-таки была за бумага. «Кажется... кажется... – бормотал он сам с собой, наморщив лоб, – это был кредит! Точно! Это был огромный кредит!» Обзвонил все банки города, но нигде наличие кредита не подтвердили. И тут Вениамин Щавельев понял, как ему тогда показалось, самое страшное: это был не кредит, это была дарственная на квартиру! Осознав это, Вениамин Щавельев на короткое время даже как-то успокоился от ясности, а потом приступил к решительным действиям: отправился в отделение полиции Фрунзенского района, рассказал полицейским про непонятную бумагу и спросил: «Могу я написать заявление, что подпись моя была получена обманом и дарственная на квартиру не действительна?» Менты растерялись, но Вениамин Щавельев так нервничал, и руки у него так дрожали, что решили всё-таки разрешить ему написать такое заявление. Вениамин Щавельев написал и с чувством полного уже облегчения отправился домой.

Дома лёг на диван, захотел отдохнуть, включил телевизор и увидел патриарха и Путина. Рассеянным взглядом смотрел он на облачения патриарха, на золото, на бороду. И вдруг какая-то мысль, тёмная и страшная, мелькнула в голове Вениамина, как чёрная молния. Теперь наконец он вспомнил. Это был не кредит и не дарственная на квартиру, нет. Это был договор с Дьяволом о продаже души. Вениамин Щаве-

льев метался по квартире, выл и рвал на себе волосы. Никогда не был он религиозным человеком, но тут как-то сразу понял реальность всего: вечного блаженства и проклятия, Бога и Сатаны, и этого весёленького вечного огня.

На работу он перестал ходить, перестал мыться и бриться. Написал письмо патриарху Кириллу, что, дескать, заключил договор с Дьяволом и просит патриарха своей властью этот договор признать недействительным. Ответа на письмо долго не было, а потом Вениамин как-то открывает телевизор, а там патриарх о чём-то вещает, потом вдруг как повернулся к Вениамину, смотрит прямо в глаза и говорит: «А договор-то этот расторгнуть нельзя. У меня и у самого такой же». Тогда Вениамин написал письмо Путину, льстивое и слёзное: «Уж как вы наш дражайший батюшка, бэтмен, трансформер и человек-паук Путин Крымнаш к России присоединили так и вашей властью высочайшего сверхчеловека ницшеанского будды и заратустры над Америкой и Обамой велите Дьяволу расторгнуть со мной договор чтобы не было ядерной войны». Путин тоже ответил в телевизоре: «Э, братец Веня, договор этот не расторгнешь, и у меня он есть, и у всего нашего народонаселения. И по моему высочайшему повелению его с этого года со всеми в паспортных столах насильно заключают при выдаче паспорта, такая у нас реформа, и законопроект такой принят, и для стабильности страны это очень важно. А то нас америкосы завоюют».

Что же делать было Вениамину Щавельеву? Пришла ему на ум одна идея, ничего так себе идея – это он вспомнил, как от армии косил. Притворюсь-ка я, – подумал он, – сумасшедшим, тогда и подпись моя будет считаться недействительной, если меня признают невменяемым. Вызвал к себе бригаду скорой помощи, сказал: «У меня бред и галлюцинации, тяжелейшая параноидная шизофрения, синдром Кандинского-Клерамбо, приезжайте срочно, я уже полгода на работу не хожу, Путину и патриарху письма пишу и они со мной в телевизоре разговаривают». Так он откосил хитро. Признали его невменяемым, поместили в интернат для психически больных, назначили ему кучу таблеток. Пропал человек для общества. Для общества-то пропал, да, может статься, и для Дьявола пропал, – лукаво себе думал Вениамин Щавельев. В конце концов, прожить остаток дней в интернате для душевнобольных – небольшая цена, чтобы откупиться от этого весёленького вечного огня.

Приснился Вениамину Щавельеву в первую же ночь в интернате, а было это тридцатое января, сон: идёт он по дороге среди полей какой-то далёкой страны, и навстречу ему идёт старик со смуглым лицом в простой одежде. «Отчего ты грустишь, сынок?» – спрашивает на языке каком-то неизвестном, но Вениамин всё понимает. «Оттого грущу, отче, что заключил договор с Дьяволом. А ты кто такой?» «А я – дед Василий. Давай помолимся вместе о твоём горе». Взял

дед Василий Вениамина за руку, и стали они вместе молиться: «Бог богов, и Господь Господей, огненных чинов творец...» Помолились, и говорит дед Василий: «Не эту бумажку, сынок, ты потерял?» – и достаёт из-за пазухи лист бумаги. Смотрит на него Вениамин и узнаёт: да, именно её он подписал тогда в паспортном столе как будто в трансе, и не мог вспомнить вида этой бумаги прежде, вот и слова эти: Я, Вениамин Щавельев, продаю душу свою Хозяину Нашему Дьяволу, вот и печать Ада, и число 666, и подпись его под всем этим тает на глазах, исчезает, совсем исчезла.

Табу

Критик искусства N всё время сидел в фейсбуке и писал туда что-то высокоинтеллектуальное. Он знал, что можно писать о чём угодно, кроме трёх вещей, но это были именно те три вещи, которые волновали его больше всего и которыми больше всего хотелось поделиться. Эти три вещи, которые ему неудержимо хотелось написать в фейсбуке: «я опять пришёл домой в говно пьяный», «я хочу трахаться» и «помогите мне устроиться на работу». Дурацкие мысли липнут к голове, его так и подмывало это написать, особенно первый пункт, но он сдерживался, чтобы не запятнать свою репутацию. Но вот как-то раз он пришёл домой по своему обыкновению в говно пьяный и не выдержал. Открыл фейсбук и написал: «Между прочим, я опять пришёл домой в говно пьяный. И я хочу трахаться. И мне нужна работа. Всё». После этого лёг спать и проспал всю ночь пьяным сном. Утром проснулся с сознанием непоправимого, открыл фейсбук – и что же, ничего страшного не случилось: его ждали там сорок лайков, одно предложение трахаться и ни одного предложения работы.

Тогда он запостил что-то возвышенное про влияние искусства авангарда на одного современного художника.

Венера

с некоторых пор Н. начала преследовать Венера.

началось с того, что он завёл дневник, вел его эдак неделю или две, потом перечитал... то ли в жизни и внутреннем мире Н. и вовсе ничего не происходило, то ли то, что происходило, было так гадко, что Н. не мог об этом писать, но практически единственным содержанием каждой дневниковой записи была встреча с Венерой.

так, пошёл как-то раз Н. в «Борей» – пишет он в дневнике – и пил там с писателями, это понятно. вышел потом на Невский, стоит, пошатываясь, и хочет закурить: а на небе Венера глаза слепит. и не только Венера, а ещё и огромная полная Луна. и ещё Марс – он как раз приблизился. но самое большое – это Венера. пытался сбежать, долго ехал на троллейбусе, а Венера за ним.

в другой день пошёл как-то Н. с другом в кино, вышел: а на небе Венера глаза слепит. и огромная полная Луна в жёлтом зареве. но Луна – это ладно, а вот Венера...

или вот: сидел в гостях у друзей на Политехнической, распили бутылку водки «Еврейский стандарт», вышли погулять

по саду Бенуа. думали, как это гламурно, ночь, они – пьяные, и – «сад Бенуа». а сад Бенуа – это открытое пространство, покрытое льдом и дерьмом, где Н. промочил ноги и пытался залезть в здание сгоревшей фермы. рядом высилась белая, но отдающая Мордором, технократическая башня робототехники и кибернетики. казалось бы, ничто не предвещало. и – вдруг, ни с того ни с сего, яркая, бесстыдная, взрывающая мозг, как автоматная очередь, – Венера.

или – пошёл Н. на семинар по аналитической философии, а там разбирали Крипке. и делали доклад, в котором Н. ничего не понял, кроме слов *Vesperus* и *Fosforus*, а значит, и доклад был про Венеру. После семинара Н. вышел и увидел на небе то, что увидел. вы знаете, что. он не пытался бежать, он шёл к автобусной остановке и думал: «Что заставляет нас считать, что Веспер и Люцифер, утренняя и вечерняя звезда – одно и то же? Наверное, мы считаем, что это одно и то же, потому что производим референцию к объекту, реальной планете Венере. А вот если подумать, что Веспер – всё же иное, чем Люцифер, – тут другие, более тонкие вещи, уже нет референции, нет отсылки к незыблемости мира... Люцифер-Веспер, Веспер-Люцифер...»

так бормотал себе под нос Н., потом приехал домой и сжёг свой дневник.

Вина Терентия

По вечерам бухгалтер Терентий беседовал со своим чувством вины. Оно задавало Терентию разные вопросы. «Виновен ли ты в том, что опоздал на работу?» – спрашивало чувство вины. Терентий напрягался, вспоминал и обнаруживал, что нет, пришёл он на работу ровно к десяти. «Не виновен!» – радостно отвечал Терентий чувству вины. «Та-а-ак, – хмурилось чувство вины, – а виновен ли ты в том, что пришёл на работу вовремя?» «Виновен», – со скорбью признавал Терентий. «Виновен ли ты в том, что нахамил начальнице?» – спрашивало чувство вины. «Нет, что ты!» – пугался Терентий. «А может быть, ты виновен в том, что был вежлив со своей начальницей?» – пыталось чувство вины. «Виновен», – со скорбью признавал Терентий. «Виновен ли ты в том, что сделал ошибку в бухгалтерских расчётах?» «Нет-нет, быть такого не может, упаси Господь!» – божился Терентий. «А виновен ли ты в том, что произвёл все расчёты правильно?» «Виновен, боже ж ты мой, виновен», – сокрушённо признавался Терентий. Подавленный чувством вины, он засыпал и видел дурные сны, утром просыпался по будильнику и точно к установленному часу шёл на работу, вежливо разговаривал с начальницей и производил бухгалтерские расчёты без единого огреха. Дома, расположившись на диване, его ждало чувство вины. Казалось, оно ждало от него

чего-то другого, а чего – Терентий не знал.

Случайные удовольствия

Василий живёт случайными удовольствиями. Даже не то что живёт – выживает. Едет в метро домой и думает: «Приду и покончу с собой», но очень хочется есть, и Василий идёт в кафе и съедает какой-то вредной еды, потом начинается приятное расслабление, Василию становится лень кончать с собой, и он переносит это дело на завтра. Потом Василий вспоминает, что завтра к нему придёт Х, и они будут замечательно трахаться, и переносит самоубийство на послезавтра.

Так оно и тянется: случайные удовольствия и отложенная казнь. Каждое новое удовольствие – повод для отсрочки. Оно помогает Василию обманывать смерть и себя самого и втайне ждать, что в один прекрасный день смысл снова появится в его жизни, не такой, как был прежде, когда-то, до того, как был утерян, но ещё лучший, новый, в котором будет что-то от всех смыслов и целей, которые когда-то у него были, но будет и что-то ещё, никогда не бывшее, и тогда Василий будет жить, а пока все удовольствия мира, все его маленькие радости будут поддерживать Василия: все быстро и кофейни, чизкейки и кока-кола, увлекательные книжки и весёлые телепередачи, бары и кинотеатры, и дружеские встречи, и миленькие девушки, и ласковые коты, и весенние парки, и тёплые ванночки, и хороший табак.

Все они словно говорят ему: «Живи, Василий! Хотя мы и не можем обеспечить тебя большим, чем есть мы сами, но мы тебя не оставим, мы будем стоять между тобой и смертью, пока ты не найдёшь что-то лучшее нас».

Ничего лучшего пока не находится. Василий вкусно ест, сладко спит, ходит в кино, встречается с друзьями, гуляет по городу.

Вечная разлука

Аркадий Львович, тихий, добрый, безотказный человек, сидит на диване с котом Барсиком и смотрит телевизор. Барсик моется и не обращает внимания на Аркадия Львовича.

Сегодня Аркадий Львович видел свою бывшую жену Дашу. Он посмотрел ей в глаза и на её всё ещё красивое лицо и вспомнил, как во времена, когда они с Дашей были юными, они друг через друга то и дело постигали разные космические тайны. И по большей части все эти тайны были совершенно ужасны.

Одной из самых ужасных тайн была тайна о вечной разлуке, которая интуитивно мучила Аркадия Львовича ещё с детства, но как-то особенно отчётливо проявилась потом. Аркадий Львович вспоминал, как в то последнее их с Дашей лето, когда всё у них уже давно, лет пять как рассыпалось, когда Даша ему уже сказала, что встретила другого человека, а от него уходит, она работала в офисе, а он нигде не работал. И вот Даша звонила ему каждый день и просила подойти к ней в обеденный перерыв, и он подходил, и они шли вместе в столовую и кушали. Зачем, казалось бы? Зачем Даша ему звонила? Зачем он шёл? Аркадий Львович понимал: чтобы побыть вместе перед лицом вечной разлуки.

Вечная разлука с тех пор была для Аркадия Львовича горизонтом любых отношений, любого совместного времяпрепровождения с людьми. Аркадий Львович никому ни в чём старался не отказывать. Он думал: даже если люди, как и мы с Дашей хотели когда-то, живут вместе до гроба, – какая это маленькая крупинка по сравнению с вечной разлукой: с годами, веками, тысячелетиями и холодными космическими пространствами, где этих людей уже не будет, и следа от них уже не будет. И для него любая близость человеческая была ценна, наверное, именно из-за этой вечной разлуки. Бывает, просит Аркадия Львовича мать, или друг, или какая-нибудь женщина случайная: «посиди со мной», «поговори со мной», «попей со мной чай», – Аркадий Львович откажет, а тут же это чувство, что вечная разлука на горизонте, а он отказал. Никогда Аркадий Львович ни с кем не ссорился, все острые углы сглаживал. А как могут люди воевать и убивать друг друга, и обижать, и всякое зло делать, – казалось ему, что всё это от того, что люди не понимают про вечную разлуку.

Так мучило его это предчувствие вечной разлуки, что только ради того, чтобы вечную разлуку преодолеть, он готов был верить в Бога, если Бог гарантирует, что со всеми, кто дорог ему, Аркадию Львовичу, ещё будет встреча не на земле, так на небе: и с покойным отцом, и с любимой в детстве овчаркой Стефи, и с бывшей женой Дашей, и с девочками, которых он любил в школе, и с давними друзьями, пути с

которыми давно разошлись. И с матерью, старой женщиной, живущей в соседней комнате, Аркадий Львович чувствовал вечную разлуку. Казалось бы, мать была рядом, и Аркадий Львович её любил, но помнил, что в раннем детстве любил её иначе, помнил, какая она была молодая и красивая, и как хорошо ему было рядом с ней, – так же хорошо, как потом было хорошо с Дашей, когда он был в неё влюблён. А теперь мать была просто дорогой, родной, привычный человек, но того единства, что было в детстве, больше не было, и когда Аркадий Львович повзрослел и это единство утратил – он как будто потерял мать. И хотя они жили вместе и любили друг друга, они были уже в вечной разлуке, и ничто на свете не способно было этого изменить.

Аркадий Львович, тихий, добрый, безотказный человек, сидит на диване с котом Барсиком и смотрит телевизор. Барсик моется и не обращает внимания на Аркадия Львовича. Аркадий Львович на одном конце дивана, а Барсик на другом, и между ними вечная разлука.

Петрович и Петровский

Бомж Петрович сидел на автобусной остановке и грустил: всё в его жизни было очень плохо. Остановилась иномарка, и оттуда вышел – и тут бомж Петрович охренел – вылитый бомж Петрович, только в костюмчике и распальцованный. И направился прямо к бомжу Петровичу. Представился: «Я – олигарх Петровский. Я долго искал кого-то, как две капли воды похожего на меня, и вот недавно мои ребята увидели тебя, копающегося в протухшей колбасе и деталях от выброшенного холодильника на местной свалке, сообщили мне, и я приехал к тебе знакомиться, братан». «А зачем я тебе, братан? – спросил бомж Петрович, – я – бомж, ты – олигарх, я – в говне, ты – в шоколаде, что у нас общего, кроме свиной хари?» «Я в депрессии, – ответил олигарх Петровский, – всё в моей жизни плохо, каждый новый миллиард долларов, который что ни день валится на мою голову, повергает меня в отчаяние, от изобилия любовниц-моделей у меня уже не стоит, я пил трициклические антидепрессанты, потом селективные ингибиторы обратного захвата серотонина, потом ингибиторы моноаминоксидазы, потом от нечего делать негрустин купил, и ничего не помогает, братан. И я решил тогда исчезнуть, заменить себя на человека, похожего на меня, как две капли воды, а самому начать жить жизнью этого человека, перестать быть олигархом и стать счастливым. А ты, братан,

иди вместо меня в олигархи». Бомж Петрович не будь дурак – и согласился. Стал олигарх бомжом, а бомж олигархом. Только что-то у них не заладилось. «Я-то думал, жизнь моя – говно, а оказывается, жизнь олигарха – говно ещё похлеще, – понял скоро бомж Петрович, – осточертел мне этот бизнес, осточертели любовницы, осточертели конкуренты, и все меня ненавидят, вот так сяду, бывает, на Канарах, на коленях блондинка-модель, а сам думаю: сидеть бы сейчас на солнышке у мусорных баков, пить водочку, девушкам вслед что-то похабное кричать и блох из бороды выбирать – это ли не счастье было». А у олигарха Петровского, ставшего бомжом, тоже не заладилось: и пить круглые сутки он не может, и блохи в бороде раздражают, и спать на чердаке холодно, и вообще скучно как-то без бизнеса. Стал он вспоминать: международные аэропорты, отели, бизнес-встречи, приёмы, и думать: это ли не счастье было? В общем, прошло три года. Бомж Петрович пропил все деньги олигарха, разорил его корпорацию и снова стал бомжом. Блох из бороды выбирал, грелся на солнышке, сосал водочку и был счастлив. Олигарх Петрович за это время с нуля поднялся, основал новую корпорацию, стал снова ездить на бизнес-встречи, летать в международные аэропорты, и на любовниц-моделей у него отлично стоял. И до самой смерти ещё через один год, когда бомж Петрович замёрз пьяный под забором, а олигарха Петровского застрелил нанятый конкурентом киллер, они оба были благодарны за всё, что у них было, и понимали, что всё

у них на самом деле хорошо. Стоит только посмотреть на всё это с другой стороны, братан, с другой стороны.

Полиамория

Гендерквир Лена пришла на приём к гинекологу, потому что ощущала зуд. Надо сдать анализы на скрытые инфекции, – сказала гинеколог Козькина. Я всегда пользуюсь презервативом, – ответила Лена, – не было возможности заразиться. Всё равно надо сдать, – сказала гинеколог Козькина, – хламидии, например, могут проникать через поры в презервативе. У вас один половой партнёр? Нет, – ответила Лена и побледнела, потому что представила себе, как страшные хламидии зубами прогрызают резину. Бедная девочка, – сказала гинеколог Козькина, – вот приходится вам думать о том, как проникают хламидии, а самое лучшее – иметь одного полового партнёра и быть в нём уверенной. Тут гендерквир Лена не выдержала и ответила: Бедная женщина, я не девочка, а гендерквир. И я не считаю, что лучше иметь одного полового партнёра. Я за полиаморию. Знаете, что это такое? Это практика и система этических взглядов на любовь, допускающая множественные любовные отношения с несколькими людьми, с согласия и одобрения всех этих людей, на основе честности, доверия и откровенности. И, по моему, полиамория гораздо лучше, чем эта механичная серийная моногамия с изменами и ложью. Фри лав, что ли? – спросила Козькина. Нет, фри лав давно выродилась в секс со всеми подряд, а полиамория – это именно про любовные

постоянные отношения на нравственной основе, – ответила гендерквир Лена. После этого разговора гинеколог Козькина задумалась. Полиамория, слово-то какое, – думала она, выходя из поликлиники. На широком проспекте, по которому она шла к метро, то и дело ей попадались кофейни со столиками, вынесенными на улицу, за ними сидели влюблённые парочки, и навстречу ей тоже шли пары, и одиночки, мужчины и женщины, и гинеколог Козькина смотрела на них и думала: неужели их всех можно любить и вступать в отношения. И представила себе гинеколог Козькина, что все люди связаны сложными многогранными узами любви друг с другом, а она, Козькина, этими узами любви не связана, потому что уже восемнадцать лет как её единственный партнёр – её муж, и ничего кроме мужа и женских половых органов она в своей жизни не видит. Странная, чуждая, таинственная страна Полиамория, не понять тебя простому советскому человеку. Через неделю Лена пришла за анализами. Никаких скрытых инфекций у неё обнаружено не было, обычный дисбактериоз. А у гинеколога Козькиной скоро самой случилась гонорея, потому что она доверяла своему мужу и не предохранялась, а он – и не в первый раз уже – сходил налево. И гинеколог Козькина думала, разводиться или нет, но простила своего мужа, ибо любовь долготерпит, милосердствует, всё переносит и никогда не перестаёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.